

своего развития является *tabula rasa*, на которую потом «вписываются» впечатления внешнего мира. Вера в безграничные возможности педагогики также явствует из часто цитируемого высказывания, что задача воспитания заключается в том, чтобы создать «идеального человека и совершенного гражданина». Это высказывание иногда приписывается Екатерине II, однако на самом деле оно принадлежит ее корреспонденту Ф. М. Гримму¹⁸. Тем не менее данная формулировка вполне соответствует реформистской программе императрицы и ее помощников¹⁹. С этой точки зрения, порочность человека представляется не иначе как следствие его дурного воспитания, причем, правда, иногда принимается в расчет и возможное влияние наследственности²⁰ (вопрос о социальном неустройстве как определяющем факторе человеческого поведения не ставится совсем, дело, скорее, обстоит противоположным образом: когда все граждане будут добродетельны, уже не будет социального неустройства — перед нами характерный для дореволюционных эпох примат моралистического мышления перед социологическим).

Никогда в истории так много не говорилось и не писалось о педагогике, как в XVIII в., этом «веке воспитания», в России с 1760-х гг. выходят главные произведения западной педагогической мысли, как например «*Some Thoughts Concerning Education*» Дж. Локка в переводе Н. Н. Поповского (три издания в течение XVIII в.). Начиная с VII сатиры Кантемира «О воспитании» эта тема часто фигурирует и в оригинальном творчестве русских авторов: плачевные последствия плохого воспитания разоблачаются не только в моралистических журналах, но и в комедиях XVIII в. Фонвизин был поглощен этой темой, о чем свидетельствуют как его «*Бригадир*» и «*Недоросль*», так и оставшиеся фрагментами последние две его комедии «*Добрый наставник*» и «*Выбор гувернера*». С начала 1760-х гг., после восшествия на престол Екатерины II, эта тема начинает играть большую роль и в государственной сфере. Становясь центром культурной политики новой императрицы, официальный интерес к педагогике выражался в многочисленных программных высказываниях и таких нововведениях, как воспитательные дома в Москве и Петербурге, воспитательное училище при Академии художеств, Общество благородных девиц в Петербурге и т. д.

Таким образом, моралистическая публицистика 1760—1770-х гг. вписывается в широкий контекст официальных и частных педагогических устремлений, причем разница заключается в том, что в данном случае адресатами воспитательной деятельности являются

¹⁸ *Рождественский С. В.* Очерки. С. 314. К сожалению, автор не указывает место этой (в оригинале французской) цитаты в сочинениях Гримма.

¹⁹ Там же С. 251 и сл.

²⁰ Там же С. 335—336.